

Бейтуганов С.Н.

**Восстание крестьян
в Кабардино-Балкарии
в 1928-31 годах**

Исторический очерк

Крестьянская война

В истории Советского государства не должно остаться ни одного белого пятна. Общество должно иметь полную исчерпывающую информацию обо всех эпизодах, как бы горьки они ни были.

М.С. Горбачев («Правда», 1989, 20 сентября).

Научная литература и публицистика недавнего времени формировали общественное мнение в соответствии с идеями о сплошной коллективизации и необходимости ликвидации кулачества как класса, как единственно возможном способе реализации ленинского кооперативного плана.

Перестройка всколыхнула общественную мысль и в области исследования аграрных проблем. Ученые аграрники перестроечного направления сделали вывод, что к тому историческому периоду истории молодой Советской власти, когда В.И. Ленин пришел к заключению о необходимости «перемены всей нашей точки зрения на социализм», в руководстве страной возобладали старые догматические установки. Как раз на этих установках и базировался сталинизм, который, в свою очередь, в наиболее жестком проявлении не противоречил положению «Манифеста Коммунистической партии», характеризовавшему крестьян консервативными и даже тем реакционным классом, который стремится повернуть назад колесо истории.

Глубже анализируя ленинское аграрное наследие, ученые установили также, что середняки, как и кулаки, согласно ленинскому определению, могли арендовать землю и даже нанимать батраков, что наличие или отсутствие этих признаков недостаточно для того, чтобы определить, кто кулак, а кто середняк. Это чрезвычайно важное программное положение почти не принималось во внимание, когда те или иные крестьяне причислялись к кулакам, лишались избирательных прав.

Следует в связи с этим отметить, что отдельные местные историки коллективизации в годы застоя сумели указать на подобные перегибы. Профессор А. К. Текуев, например, пишет, что было много случаев, когда уполномоченные от коллективизации категорически требовали от бедняков и середняков обязательного вступления в колхозы, когда иногда вместе с кулаками подвергались «раскулачиванию» середняки и даже бедняцкие хозяйства. В результате левацких перегибов, извращений ленинского кооперативного плана был достигнут высокий темп коллективизации в Кабардино-Балкарии: к 1 марта 1930 года — 83,5 процента хозяйств было уже обобществлено». Не вина историка, а общая беда, что он считает (считал ли?) такой неоправданно высокий уровень коллективизации, впоследствии сократившийся до 12 процентов, извращением политики партии. Это была самая официальная (не на бумаге только!) политика.

Люди, захватившие руководство партией, оказались далеко не подготовленными решить сложнейшие реконструктивные задачи. Репрессивные меры, получившие широкий размах и применявшиеся, разумеется, не по суду, а лишь по решению «троек» (прокурора, начальника НКВД и секретаря партийного комитета) различных ступеней, абсолютно не учитывали принципиальные различия между врагами Советской власти и широкой середняцкой массой — союзницей пролетариата.

Насилие по отношению к середняку и вызвало во многих регионах страны, особенно зимой и весной 1930 года, крестьянские выступления, переросшие на Средней Волге, Урале и в Средней Азии в повстанческие движения. К числу повстанческих районов страны относился и Северный Кавказ, в том числе и Кабардино-Балкария. Материалы свидетельствуют, что хлебозаготовительная кампания и коллективизация на Северном Кавказе принимала самые жесткие, если не сказать большего, формы. Вот что, например, на телеграмму Сталина о медленных темпах хлебозаготовок отвечал секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А. Андреев: «Зверски жмем на различные платежи, судим, снимаем тех, кто недостаточно выполняет директивы». А телеграмма «отцу народов» из Сибири шла еще дальше: «Мы с кулаком расправляемся. Оставляем их в чем мать родила». Подобные зверства неизбежно вызывали ответную реакцию, т. е. наблюдались «скверные формы», когда даже «заслуженные красноармейцы из крестьян срывают с себя ордена Красного Знамени». В подобных массовых случаях выражения социального протеста нет ничего предосудительного с точки зрения подлинного ленинизма, который предсказывал закономерность выражения своего недовольства рабочим классом, вплоть до вооруженного выступления, если нарушаются принципы функционирования социалистического государства.

Баксанское восстание 1928 года

Период коллективизации сельского хозяйства и предшествовавший ему сравнительно небольшой отрезок времени остаются, несмотря на то, что много хвалебных страниц им посвящено в условиях сталинщины и застоя, одним из «белых пятен» истории Кабардино-Балкарии. Лишь изредка в литературе можно встретить упоминание об отдельных вылазках «враждебных элементов». Однако в Кабардино-Балкарской автономной области с начала 1928 года политическая обстановка, как это подчеркивалось официальными документами и как свидетельствуют немногие оставшиеся в живых очевидцы, стала принимать все более и более напряженный характер. Такая ситуация была порождена известной хлебозаготовительной кампанией, когда «не в пример прошлым годам вся тяжесть этих кампаний, естественно, была возложена на кулаков», и другими небывало жесткими мерами: самообложением и займами. Например, выпуск принудительных займов начался в 1927 году, когда стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых ресурсов обычными методами. Следует отметить, что подобного рода займы практиковались раньше только в войну.

Первым и наиболее крупным проявлением обострившейся обстановки явилось Баксанское восстание 1928 года. Конкретный повод, ход и финал этого вооруженного восстания крестьян прослеживаются в материалах следственных дел его участников, например, жителя селения II Кызбуруна Касыма Бештокова. Еще за несколько месяцев до начала восстания он агитировал своих односельчан «не подчиняться сельскому Совету, не слушаться коммунистов». А во время хлебозаготовительной кампании, самообложения и распространения займов Бештоков призывал «не сдавать хлеб, не приобретать займа». При этом он добавлял, что «коммунисты, чувствуя свою гибель, отбирают последний пуд хлеба у трудового горца и отправляют за границу, успокаивая зарубежные государства, чтобы они не напали на коммунистов».

Восстание началось 10 июня. Поводом к нему послужил арест окружной администрацией ряда жителей сел. Кызбурун II. Из показаний Бештокова: «10 июня из верхнего квартала Кызбуруна II двигалась толпа граждан к Баксанскому Окрисполкому, которая говорила, что идет выяснять причину ареста ряда односельчан (вероятно, в связи с хлебозаготовками — С. Б.). Проходя

мимо меня, они предложили следовать с ними мне, сказав, что я буду переводчиком (Бештоков окончил «2 курса семилетки» — С. Б.), на что я изъявил согласие.

Обвинение гласило, что Бештоков организовал вокруг себя «антисоветски настроенный элемент», вышел на улицу и начал собирать «кучками» крестьян, выступая перед ними с речами. В политической части своих выступлений он добивался шариатской власти, т. е. придерживался наиболее популярной идеи, которая в той или иной степени связывалась в глазах народа с именем героя Гражданской войны Назира Катханова.

Призывая крестьян Кызбуруна II идти на Баксан, Бештоков предлагал затем соединиться с жителями Кызбуруна III, двигаться дальше на Нальчик. В действительности ему удалось собрать 400 человек и совместно с «руководящими головками данного инцидента» направиться на Баксан. Здесь он сумел взять «под руководство всю массу». Из следственных материалов по делу Бештокова выясняется, что по его указанию «была избита окружная администрация, разбито арестное помещение и оружейный цейхгауз — забрав оружие, винтовки, патроны и пулеметы, он под своей командой повел повстанцев в наступление на Нальчик». В руки восставших попало: 40 винтовок разных систем, 2.500 боевых патронов и 3 пулемета. Взяв себе один пулемет и подпоясавшись пулеметной лентой, Бештоков скомандовал: «За мной!». И за ним пошли повстанцы по заданному направлению — к Нальчику.

Поддерживая дух восстания, вожак заверял повстанцев, что он «станет на самом опасном месте в случае приезда Калмыкова или же войск ОГПУ». Однако далее эмоций и насыщенных речей дело не пошло. В тот же день отряды ОГПУ, прибывшие на Баксанский мост, без особого труда обезоружили восставших, а «Бештоков принужден был сдать имеющиеся у него пулемет и ленту».

Этот последний момент представлен в упомянутых показаниях Бештокова несколько иначе. Видимо, желая скрыть свою активную роль от следствия, он говорил: «...по приезде тов. Калмыкова старики предложили сложить оружие, и я первым положил пулемет в кучу сложенного оружия». Подобный вывод подтверждается и последовавшей практической деятельностью Бештокова. Как выясняется из обвинительного заключения, «не успокаиваясь, Бештоков после свершения первых своих гнусных поступков перед Советской властью через два дня вторично открыто организовал отряд повстанцев в 3.000 человек и под руководством своим совместно с другими членами контрреволюционного штаба Кабарды и Балкарии повел наступление на Баксан, но был пулеметным огнем войсковой части отбит, и толпа в панике рассеялась».

На такую же цифру восставших указывают также материалы дела активных участников Баксанских событий — Шипшева Гауты (племянник известного контрреволюционера Шипшева) и Кошеровова Нартуко. 12 июня, в последний день восстания, которое получило официальное название Баксанского контрреволюционного шариатского выступления, Шипшев и Кошеровов «играли не последнюю роль, когда около Баксанского окрисполкома собрались повстанцы толпой около 3.000 человек, где стояли в крепости воинские части и войска ОГПУ». Оба участника «находились впереди этой толпы, крича воинским частям: «Сдавайте немедленно оружие, если не сдадите, то мы вас всех поднимем на кинжалы». Вскоре после этого призыва «толпа крикнула «ура» и начала ломать ворота Баксанской крепости, но благодаря пулеметной стрельбе, повстанцы были рассеяны».

Следствие по делу Шишпева и Кошерокова помогает расширить наше представление и о первом дне восстания. В частности, когда «толпа повстанцев приблизилась к Баксанскому окрисполкому, они, идя впереди толпы, предъявили требования администрации о немедленном освобождении содержащихся в ардоме арестованных, о сдаче оружия». Они тоже тогда обратились к толпе со словами: «Идемте, разобьем склад с оружием и освободим арестованных», что и было приведено повстанцами в исполнение».

В Баксанском восстании 1928 года принимали участие в основном жители двух населенных пунктов: П Кызбуруна и Баксана. Однако оно не осталось изолированным. Во многих селениях области определенная часть крестьян, главным образом кулаки и наиболее зажиточные слои, играли роль наиболее активных организаторов выступлений крестьян в их поддержку.

Так, в 1928 году велось следствие по делу «контрреволюционной группы» из сел. Сармаково, куда входили: Виндижев Кучук, Урусмамбетов Инал, Тавкешевы Адельгери, Эльмурза и Хапит, Коцевы Таусултан, Пот и Лукман, Шухостанов Лукман, Болов Кериб и др. Им было предъявлено обвинение в том, что они, используя удобный момент Баксанского восстания, выдвинули лозунг «свержения Советской власти, изгнание коммунистов и восстановление шариата».

В связи с созданием ТОЗов (товарищество по совместной обработке земли) по сел. Сармаково пошли слухи о том, что «организация коллективов имеет в виду коммунизацию населения, полную «коллективность» семейной жизни».

В агитационно-пропагандистском арсенале недовольных Советской властью большую роль призвано было сыграть распространение самых, подчас невероятных слухов, которые, тем не менее, определенным образом влияли на умонастроение людей. Одним из наиболее распространенных слухов был следующий: «Советская власть и Предоблисполкома КБАО Калмыков продали наших детей Китаю и закрывают все наши мечети». О вероятном его источнике. Однажды во время секретного совещания произошел спор о том, как дальше вести агитацию среди населения — «спор относительно того, как говорить между крестьянами, что будут отбирать детей для отправки в Китай или что из них воспитывать будут коммунистов и решили на первом».

Участник событий Тавкешев был отпущен домой на второй день после Баксанского восстания. Факт своего освобождения им был использован для усиления антисоветского настроения в народе. Он говорил, что «...их отпустили, т. к. в Нальчике все коммунисты разбежались, вся Россия восстала и если сармаковцы не восстанут — их уничтожат». Тем же, кто не пошел бы вместе с повстанцами, угрожали: «...по свержении Советской власти будем вешать и трупы их не снимать, пока не будут разлагаться».

А из селения Каменноостского «в дни Баксанских событий активное принимали участие»: Кармов Бетал, Хагундоков Хасанби и Хоконов Парика, Апиков Мыза, Губжоков Таля и др. Здесь жители были осведомлены не только о том, что уже произошло, но знали и то, что может произойти в ближайшем будущем. Например, Губжоков Таля даже указал точно день наиболее массового выступления крестьян, он уверял: «Завтра, 12 июня, в Баксане произойдет восстание, которое должны поддержать жители сел. Каменноостского, после чего был принят ряд мер для создания соответствующей обстановки».

Селение Малка представлено такими участниками Баксанских событий, как: Карданов Абу, Кушхов Касым, Атажукин Пата, Мишхожев Дзадзу, Аджиев Джамурза, Канкулов Исмаил и Бацев Хото. Они, в частности, убеждали: «Кабардинцы Баксанского округа поняли, что Советская власть не для них, т. к. эта власть отбивает у них последний кусок хлеба, притесняет религию, скоро закроет все мечети, арестует всех мулл. Здесь жителей пугали тем, что власть «скоро закроет все мечети, арестует всех мулл, заберет у нас детей, которые отправят в Китай на уничтожение в виде продукта питания китайским войскам». Небылица заканчивалась такой «трактовкой» партийной политики: «Скоро на основании коммунистической программы отберут у нас жен, сестер и они будут женами для всех коммунистов».

«Изобретателей слухов не смущали даже те случаи, когда Советская власть предпринимала самые благородные шаги. Когда, например, в сел. Сармаково стало известно об открытии детских яслей, один из жителей «предложил распустить каждому из них слух, что детей забирают, чтобы сделать — воспитать из них коммунистов».

Казалось бы, незначительный эпизод. Но он убедительно рисует ту поистине удручающую картину значительной части населения, с которой приходилось иметь дело тем, кто и сам, не имея ни сколько-нибудь достаточного образования, ни призвания, принялся решать сложнейшие задачи по социалистическому переустройству старого мира...

Как здесь не вспомнить положение основоположников марксизма о том, что сами по себе «идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу».

Справедливости ради следует подчеркнуть, что руководители движения и разделявшие их позиции люди довольно пронизательно указывали на непростительные промахи партийных и советских органов. Они констатировали: «Наши сельские коммунисты очень плохо делают, что не разрешают открывать духовную школу-медресе, раз мы платим налоги, самообложение, то надо всеми силами и средствами сделать так, чтобы власти делали то, чего мы желаем». Не без оснований, как теперь об этом известно, отмечался и тот пагубный факт, что «местные власти выслуживаются перед округом и сами преувеличивают план хлебозаготовок». Данные профессора А.К. Текуева подтверждают эти высказывания. Он пишет, что Кабардино-Балкария не только выполнила, но и перевыполнила план хлебозаготовок. Вместо 5 млн. пудов по плану заготовлено 6.200 тыс. пудов. Кстати, требование крестьян об открытии медресе не противоречило ленинским принципам научного атеизма. Вне поля «подозрения», очевидно, оставались (или специально закрывали глаза, что еще хуже) как раз те, кто, находясь у власти, должны были руководствоваться этими принципами, которые с предельной ясностью были изложены В. И. Лениным в программной работе «К деревенской бедноте. Объяснения для крестьян, чего хотят социал-демократы». «Каждый должен иметь полную свободу, не только держаться какой - угодно веры, — указывал В. И. Ленин, — но и распространять любую веру и менять веру».

Пренебрегая этим принципиальным положением, в конце 20-х годов власти предпринимают наступление на веру. Оно началось в тот же период хлебозаготовок. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1928 г. был поставлен вопрос о мерах по усилению антирелигиозной работы. Председательствовавший на заседании Л. М. Каганович квалифицировал все религиозные организации как контрреволюционные. 24 января 1929 года местные органы получили директиву Политбюро ЦК за подписью Кагановича, которая в корне противоречила ленинскому

принципу равенства верующих и неверующих в борьбе за социализм. В ней объявлялось, что церковные советы, другие религиозные общества являются контрреволюционными, легально действующими организациями. И это в то время, когда глава русской православной церкви патриарх Тихон уже в 1925 году призвал верующих рассматривать Советскую власть как «установленную богом», а Всероссийский съезд мусульманского духовенства (1926 г.), выразив благодарность и преданность Советской власти, как защитнице угнетенных народов, обещал поддержку в укреплении завоеваний революции, а в проповедях утверждалось, что «социалистический строй получил благословение Аллаха». Правда, 5 июня 1929 года в новой директиве Оргбюро ЦК партии отмечались многочисленные факты грубого нарушения законности, допущенные за последние 4 — 5 месяцев при закрытии церквей, мечетей, «результатом чего стали волнения верующих, доходившие до вооруженных столкновений. Однако вместо выполнения этой Директивы Второй съезд Союза воинствующих безбожников (июнь 1929 г.) принял резолюцию, в которой указывалось на особенно резкое проявление контрреволюционной политической роли всех и всяческих религиозных организаций». Это было санкционированием высшей властью массовых нарушений законов Советской власти, о признании религиозных организаций как объединений верующих для удовлетворения своих религиозных потребностей.

Баксанское восстание явилось первым более или менее организованным вооруженным выступлением крестьян КБАО. Его отличительной особенностью стало то обстоятельство, что оно проходило в условиях Советской власти и явилось первым внушительным сигналом о начавшемся нарушении ленинских принципов кооперирования крестьянства. Причины восстания: хлебозаготовительная кампания, самообложение и принудительные займы, которые отнюдь не были разовым мероприятием.

Ужесточение политики по отношению к имущему крестьянству затрагивало прежде всего жизненные интересы основной его массы — зажиточных крестьян-середняков, что объективно восстанавливало его против этой политики. Такая обстановка была как раз на руку наиболее агрессивно настроенным крестьянским «верхам». И они использовали, часто не без успеха, любой промах и даже самые благородные мероприятия Советской власти в целях ее постепенной дискредитации в глазах всего трудового крестьянства.

В материалах ОГПУ утверждалось, что к Баксанскому восстанию начался переход кулаков (зажиточных крестьян) от методов воздействия на бедняков и «маломощное середнячество» через религию и открытое противодействие на сходах — к организации контрреволюционных группировок, которые ставят себе цель не противодействия мероприятиям Советской власти, а свержение таковой и восстановления владычества шариата.

Такой вывод не подтверждается показаниями участников восстания, если не останавливаться на некоторых разгоряченных устных заявлениях и восклицаниях. Вполне определенно требуя отмену хлебозаготовок, самообложения и принудительных займов, повстанцы еще не ставили задачи свержения власти, однако не бывает восстания без определенной пропагандистской подготовки.

Идеологией восставших послужило популярное в то время религиозное знамя шариата, ставшее особенно привлекательным в связи с именем активнейшего участника гражданской войны в Кабардино-Балкарии, символизировавшего собой ведущего деятеля оппозиции и главного религиозного идеолога Кабарды Назира Катханова. Он сыграл, можно сказать, решающую роль

в победе Советской власти в Кабарде и Балкарии. Но впоследствии был обвинен за якобы, контрреволюционную деятельность, а в действительности стал одной из самых первых жертв репрессий — произвола своих политических противников.

Правда, официальными властями не умалчивался и тот слишком уж известный факт, что в годы гражданской войны Катханов боролся против власти белых, «сформировав шариатский полк под лозунгом установления новой власти на основе шариата». Вместе с тем указывалось, что Катханов, «разочаровавшись в своих надеждах на главенствующую роль мус. духовенства, перешел в лагерь контрреволюции», и что затем «под шариатскими лозунгами они повели повстанческую деятельность, и ее результатом в 1928 году явилось Баксанское восстание против Советской власти». Таким образом, идеологом Баксанского восстания, по существу, признавался Катханов.

Нагорно-Баксанское вооруженное восстание в 1930-1931 годах

В Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) 10 марта 1931 года от областного отдела ОГПУ поступила докладная записка следующего содержания: «В дни поста «Ураза» и праздники «Ураза-Байрам» широко распространилась по Урванскому, Мало-Кабардинскому и Нагорному округам Кабарды песнь Кертова». Характеризуя ее содержание, автор документа сообщил: «Песня Кертова, составленная в рифму, в подлиннике по-кабардински звучит весьма красиво, а обстановка пения, слова песни, ее боевой дух и припев — все это вместе взятое обычно на присутствующих производит огромное впечатление и многие из них, особенно старики, плачут».

Текст песни:

«Кертов Исмель пулемет направляет против коммунистов.
 Коммунисты в страхе от него умирают.
 Притесненные Советской властью люди ушли бороться за лучшую жизнь.
 Борьба тяжелая, но они с помощью верующих добьются шариата.
 Коммунисты закрывают мечети и строят школы.
 А дорожка, ведущая в межгид, зарастает крапивой.
 Религиозные женщины, точите стальные ножницы,
 Ибо подходит социализм.
 Подготовьте ножи и ножницы против социализма
 Не считайтесь, что вы женщины.
 Беженцы (абреги), находящиеся в степях, лежат на своих седлах.
 Хранят в сердцах, что лежат на мягких подушках.
 Хакира заряжает револьвер ... 12 зарядов
 Кертов одним выстрелом убивает 12 верховых.
Припев: Нет бога, кроме бога (Аллаха)
 и в надежде на него мы».

Работниками ОГПУ было тогда же зафиксировано несколько случаев исполнения этой песни. В Залукокоаже, например, родственница «бандита» Бабугоева Худжа - Бабугоева Буха пела эту песню и последние (т. е. слушатели — С. Б.) под впечатлением ее плакали. «В селении песню распевала молодежь и даже комсомольцы». Подобные случаи наблюдались и в селении Карагач, где «на одной из попок профессиональный исполнитель песни Кертова некто Коражев спел эту

песню, однако присутствовавший здесь комсомолец предложил пение прекратить, хотя другие лица были в восторге от этой песни». Песня Кертова имела широкое распространение» также в селениях Аргудан, Второй Лескен, где были выявлены ее профессиональные исполнители.

Авторы докладной записки с тревогой констатировали, что песня Кертова принимает «все большие и большие размеры территориального охвата» и что она «заслуживает исключительного внимания». Имелось в виду, что в качестве противовеса ей следует «по линии ОблОНО» проводить «массово-разъяснительную работу, усилить антирелигиозную пропаганду». Было признано необходимым «на мотив этой песни составить контр-песню, но с советским содержанием».

Из изложенного естественно было бы поставить вопрос: кем был Кертов и в связи с какими памятными событиями народ сложил о нем песню? Ответ на этот вопрос дают материалы органов ОГПУ. В 1930 году данное управление возбудило уголовное дело против значительной группы лиц, входивших в так называвшийся «штаб руководства подготовкой массового вооруженного восстания». Этот штаб, первоначально располагавшийся в сел. Сармаково, состоял только из жителей данного села.

Из протокола допроса неустановленного документально лица: «Для руководства восстанием избрали руководителями: меня, Паунежева Хацу, Хажкулова Мель — этих лиц выделили потому, что они служили в армиях и знают военное дело». Поскольку показания даны одним из руководителей штаба и знающим военное дело человеком, это был, можно полагать, Лигидов Дзуна, который, выходит, и дал это показание. Такой вывод подтверждается и показаниями другого активного участника движения — Тугова Масхуда: «Главными лицами из числа нас являлись Лигидов Дзуна и Паунежев Хацу». Эти документы убеждают в том, что Кертов, ставший впоследствии вожаком восстания, присоединился к повстанцам позднее.

Постепенно сформировался костяк руководящего центра по подготовке восстания. В тот период в него входили Бекулов Али, Бермамытов Хаджи-Ислам, Кертов Исмель, Лигидов Дзуна, Паунежев Хацу и Хаупшев Джабаго. Руководство «повстанческим движением» ставило необыкновенно дерзкую цель — «свержение вооруженным путем Советского правительства (разумеется, в масштабах области — С. Б.) и восстановление вместо него свободной народной власти на основе шариата, восстановление частной собственности, уничтожение деления крестьян на различные социальные прослойки, причем власть должна быть создана из авторитетных представителей-населения, а не коммунистов».

Судя по официальной версии, перед нами программа, которая была призвана реставрировать буржуазно-демократические порядки, в основе которых лежал бы шариат. Чем же была вызвана такая цель, исключавшая даже возможность компромиссов и рассчитанная на неизбежную вооруженную схватку с властями? Эта цель была поставлена, как свидетельствуют документы тех лет, «в связи с начавшимся решительным наступлением Советской власти и партии на контрреволюционные, кулацкие элементы в деревне и проведением важнейших сельских хозяйственно-политических мероприятий». Таким образом, и официальные круги вполне определенно устанавливали связь между повстанческим движением и решительным наступлением на имущее крестьянство, выдававшееся, за незначительным исключением, наступлением на кулака.

Штаб руководства восстанием, как и повстанцы 1928 года, руководствовался идеями Назира Катханова. Об этом можно судить, исходя из протокола допроса обвиняемого Тугова Масхуда: «...вероятно, в августе месяце 1929 года мне рассказал Джубаго, что около дома Бекулова Али, в саду, ночью, будет секретное совещание, на котором Лигидов Дзуна будет информировать собравшихся о его свиданиях с Катхановым Назиром...». Кстати, это было одно из первых совещаний. На нем присутствовало около 20 человек, а «было три таких совещания». На другом совещании, состоявшемся летом того же года, перед тем как уйти в подполье и расположиться штабом в местности под названием «Верхний Куруко», было принято решение — соорудить для повстанцев знамя, которое выражало бы собой шариатский символ.

В связи с этим Лигидов вспоминал: «Я дал мысль соорудить для организации свое шариатское знамя». Сделать знамя было поручено Хаупшеву Джабаго. Он купил «материал красный и белый», который доставлен для надписи эфенди Бермамытову Хаджи-Исламу. И Бермамытов (имел «среднее арабское образование») сделал на знамени надпись: «Кто не забыл еще Аллаха Всемогущего, тот станет под этим флагом и будет бороться за шариат». Что касается самого знамени, то оно хранилось в доме Лигидова, в сундуке. Бермамытов предлагал его взять с собой при наступлении, но «жена его успела сжечь».

Другой обвиняемый показывал, что он будто встречался с прилетевшим из-за границы Пшемахо Коцевым, который вместе с Назиром Катхановым обещал в скором времени войти в Кабарду с большими отрядами, в знак чего и вручили шариатское знамя.

Может показаться, что эти сведения сфабрикованы следствием. Как известно, Коцев в то время находился в эмиграции, а Катханов был расстрелян еще в 1928 году и потому они никак не могли иметь со штабом непосредственных контактов. Однако ссылка повстанцев на них преследовала конкретную цель — вовлечь, опираясь на их авторитет, больше крестьян в повстанческое движение, расширить, насколько то возможно, его круг. Это видно из показаний Дзуны Лигидова. Житель с. Сармаково 30-летний Дзуна Лигидов был непосредственным предшественником Кертова. Малограмотный выходец из бедных крестьян, «сын муллы» Лигидов служил в царской армии в чине младшего урядника, - затем добровольцем вступил в отряд Серебрякова. Вряд ли Лигидову удалось бы добиться сколько-нибудь заметных успехов в организации движения недовольных крестьян, если бы не один случай. В конце 20-х годов начали появляться слухи о связях Лигидова с Катхановым и Коцевым. Идеи и дела Катханова были в тот период еще живы в памяти народа, и они стали «большой притягательной силой».

На первых собраниях вожаков, происходивших у Али Бекулова, «одного из крупнейших кулаков Нагорного округа» (кстати, он говорит, что «берет на себя уплату за патроны и винтовки, которые где-либо будут найдены»), Лигидов подчеркивал свою связь с этими популярными в народе личностями. «В отношении меня, — признавался он впоследствии, — шли по селению толки, что я, разъезжая по разным городам, вероятно, работаю против Соввласти, и кем-то был пущен слух, что я виделся с Катхановым и Коцевым. Вообразив из себя, что я как бы действительно связан с ними, внушил себе мысль, что я могу руководить организацией, и предпринял шаги к созданию таковой... Я говорил на собраниях, что встречался с прилетевшим из-за границы на аэропланах Коцевым Пшемахо и не встречался и сказал это нарочно, чтобы воодушевить присутствующих. Просто я не хотел себя унижать, что это неправда, когда еще до этого все сармаковцы говорили, что я виделся с Коцевым и Катхановым и решил так: коли говорят за меня так, то и пусть будет так, т. е. что с ними виделся». Лигидову

и его единомышленникам не удалось развернуть активных действий. Осенью 1929 года руководящее ядро повстанцев было арестовано.

По решению Севёрокавказской краевой тройки Бекулов Али Темрюкович, Паунежев Мажид Аслангиреевич, Бермамытов Хаджи-Ислам Нагоевич, Шомахов Татым Алиевич, Теуважев Кучук Ботович, Динаев Харун Чокаевич, Пилов Лямизо Конович, Тугов Абдул-Газиз Шухаибович были приговорены к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение в ночь на 20 февраля 1930 года. Лигидов Дзуна Каирбекович был осужден на 10 лет с отбыванием наказания в концлагере. Другие активные их сподвижники: Хацу Паунежев, Исмель Кертов, Джабаго Хаупшев, Кара Гетажиков, Цуна Бугов, Фица Кармов и другие избежали той же участи лишь благодаря тому, что им тогда удалось скрыться.

По мере ужесточения насильственных форм коллективизации усиливалось сопротивление крестьян. А расширению его социальной базы в определенной степени было призвано содействовать целенаправленное распространение всевозможных слухов, порой, как уже отмечено, «самых невероятных небылиц — «хабаров», которые, однако, будучи рассчитаны на наиболее отсталую часть крестьянства, находили в этой среде (и не только!) благоприятную почву. Эти слухи могли исходить от уцелевших представителей свергнутого класса, вынужденных умерить свой аппетит, благодаря действительным успехам Советской власти, но которые в насильственной коллективизации увидели свой шанс взять реванш и, разумеется, должны были им воспользоваться. Но не только. В борьбу против Советской власти включились и те широкие слои крестьян, которым революция дала свободу и возможность осуществить свои вековые чаяния — вырваться из нищеты и буквально в несколько лет разбогатеть, но которые теперь, увидев крутой перелом в ее политике, почувствовали реальную опасность стать опять нищими и бесправными. Сложившаяся ситуация была по существу вторым изданием Гражданской войны, где переменялись роли...

Приведем несколько характерных слухов, получивших тогда наибольшее хождение в народе. Житель сел. Каменноостского Абубекир Кашежев уверял: «Советская власть организует колхозы и поэтому все хлеборобы будут разорены, т. е. у всех отнимут скот, дома и пр. Все крестьяне, согласно Советской власти, будут иметь на нижней рубахе значки вроде тавра, как у лошадей, и по этим значкам будут выдавать пайки, кто не будет иметь тавра, тот погибнет голодной смертью». И это еще не все. Он говорил: что; «...в связи с проведением коллективизации все мужчины будут спать под общим одеялом размером до 40 метров, что жены будут общие, и никто не будет иметь права возражать этому». Подобные небылицы в определенной среде крестьян находили благоприятную почву. Услышав эти слова Кашежева, его односельчанин Темботов Хажимуса, например, вполне им поверил, что видно из протокола допроса. Он показал буквально следующее: «Признаюсь, что я поверил, и у меня появилась ненависть к Советской власти».

Подобные речи вели не только те, кто подобно Кашежеву, по официальным данным, были причислены к кулакам (на деле он был лишь разбогатевшим в годы Советской власти крестьянином), но и те, кто в недавнем прошлом находились на ответственных советских и даже партийных должностях. Так, в январе 1930 года бывший секретарь ячейки ВКП(б) сел. Нижний Куркузии Кодзев Цаца на общем собрании по колхозному строительству «выступил и повел агитацию, что у вошедших в колхоз отберут детей, колхозников заставят спать под одним

одеялом и все имущество у них заберут, ибо Советская власть только и знает, что с крестьян все тянет и тянет». И как результат этой агитации, «собрание было сорвано».

Аналогичные слухи ходили почти по всем селениям Кабарды и Балкарии. Житель с. Псыгансу Занилов говорил: «То, что при Советской власти стало невозможно жить — теперь стало понятно для всего народа. Советская власть насильно закрывает мечети, арестовывает и расстреливает наших мулл с целью задушить шариат. Насильно гонит народ в колхозы — рассадники разврата, где сын будет жить с сестрой, мать — с сыном, грабит у нас все, что мы добывали своим трудом. Народ за это готов в любую минуту выступить против Советской власти и ее свергнуть, или умереть. Но это можно сделать только после того, как народ организовать, достать оружие и т. д. В нашем селении таких людей мы подготовили до 30-ти. Кроме того, имеем связь с другими селениями... Жемтала, Аргудан. Есть уже оружия некоторое количество».

Перейдем теперь от распространившихся слухов к непосредственным речам и воззваниям лидеров повстанческого движения.

Политическая программа повстанцев сформулирована Лигидовым следующими словами: «Соввласть неприемлема для нас потому, что она не дает нам свободно жить, не дает свободно распоряжаться своим имуществом и продуктами, не дает свободно исполнять религиозные потребности, преследует мулл, закрывает мечети, не дает обучать детей по Корану — почему нам надо добиваться свободной народной власти на основе свободного права во всех отношениях. Мысль о народной власти подал я».

Паунежев указывал: «Советская власть хочет уничтожить совершенно религию, детей по советским законам совершенно запрещается в школах обучать религии, чтобы окончательно уничтожить религию. Советская власть хочет уничтожить все межгиты, совершенно разорить кабардинское крестьянское население, для этого облагает непосильными налогами, насильно принуждает организовываться в колхозы». Несколько преувеличенная, но в целом объективно отражавшая действительность, констатация фактов заканчивалась призывами: «Дальше продолжать терпеть кабардинцам надругательство над религией и разорение крестьянства становится невыносимым, а поэтому необходимо всем организованно выступить против Советской власти, чтобы свергнуть ее. В этом также окажут содействие и другие области, где все население также недовольно».

Автором двух документов, приводимых ниже, является руководитель восстания Исмель Кертов. Один из них — «Обращение к жителям сел. Коново» — он «за своей подписью от руки карандашом на русском языке написал: «Дорогие братья, зачем вы спите, пора проснуться, пора снять проклятую власть с шеи, — призывал он, — она нас давит, она от нас отбирает веру в бога, она от нас отбирает наше хозяйство, она нас лишает жизни и свободы. Верующие хозяева, вставайте и поднимайтесь в наши ряды с оружием в руках для завоевания наших прав и интересов. Мы боремся в защиту религии и права на собственность, должно быть у вас и серьезное внимание, чтобы идти с нами рука в руку для завоевания крестьянского права, не давайте обмануться за сов-знаки. Наемники, безбожники, не ходите против нас, будет плохо. Долой власть, колхозов и совхозов».

Другое письмо Кертов написал с пометкой для передачи Калмыкову («в адрес сельактивиста Нуржанова»). Оно красноречиво свидетельствует об их личных взаимоотношениях и

социальной позиции Кертова. (Мы полностью сохранили орфографию Кертова). «Неужели не пора тебе извиняться, отказаться от службы, — писал он, — ваша пропала, ваших не будет. Освобождай всех арестованных целиком. Если малейше тронишь кому-нибудь из них, то ваших сто человек убьем за одного, уже наше дальше терпенья не хватает, ты много наших уничтожил за свое добро, за свое человечество, за свой честь. Довольно быть тебе резником, изменяй свой наглый характер, не гони за нами дальше с наемниками, не вари каши, не давай дальше страдания народу, мирным гражданам, жалко тратить патроны твоим хулиганам, твоим холоуям. Мы не обращаем внимания, вызываем тебя на народное право и признание бога. Не примешь нашу лозунгу, тогда не будет тебя. Кертов И.»

Не останавливаясь на эмоциональных переживаниях, содержащихся в письме, не лишне поставить вопрос: «Имел ли Калмыков право на «наглый характер», в котором его упрекали? Мог ли он в свою очередь объясняться подобными эпитетами со своими противниками?». Один документ, кажется, отвечает на подобный вопрос утвердительно, по крайней мере, в личном плане. Известно, что семья Калмыкова пострадала в годы Гражданской войны. Вот о каких подробностях этого случая показал на следствии бывший старшина с. Урвань, выходец из с. Ашабова (Малка) Хахандуков Магомет-Мурза Юсупович: «В одно время к нему в сел. Мисостово под усиленным конвоем белые пригнали семью Бетала Калмыкова... и родственников его... Тут были отец Калмыкова, брат, жена... Конвоем руководил офицер, который взял от него ключ от карцера, куда он всех мужчин и женщин взял под расписку, из коих жену Калмыкова, якобы, взял к себе на квартиру, где она и ночевала...». На войне, как на войне. Калмыков и в личном плане, мягко говоря, не был лишен чувства мести. Этот Хахандуков (Хагундоков) после Гражданской войны эмигрировал. Находился во Франции, Турции и Болгарии. Поверив объявленной амнистии, он вернулся на родину, но, «как элемент особенно социально опасный», арестован в 1929 году. Предъявленное к нему, прощенному, обвинение сводилось, скорее всего, к его причастию в судьбе семьи Калмыкова. Как бы там ни было, Хагундоков был приговорен к смертной казни и в ночь на 7 апреля 1929 расстрелян в присутствии временного прокурора Кваша и дежурного Беспямятнова. Личное негодование к кому-то, даже если оно просто сфабриковано, для власти имущего, как в том убеждает история, более чем достаточно, чтобы объявить его социально опасным или даже врагом народа с вытекающими отсюда беззакониями.

Анализ писем, обращений и выступлений Кертова позволяет уточнить его программу.

Основные пункты ее требований:

1. Право на собственность (вероятно, в той форме, которая имела место накануне коллективизации);
2. Завоевание (отстаивание) прав и интересов крестьян;
3. Защита религии.

Обращаясь к Калмыкову, он требовал: освобождения всех арестованных, извиниться перед народом, «отказаться от службы».

Характеризуя Калмыкова такими резкими эпитетами, как «резник», «наглый характер», Кертов, должно быть, лично знал, с кем имеет дело. Он, видимо, несколько преувеличенно считал, что окружение Калмыкова есть ничто иное, как «хулиганы» и «холоуи», «наемники» и что именно они приносят страдания народу, мирным гражданам, и призывал снять такую «власть с шеи».

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Кертов не умел (или не хотел) замечать того, несомненно, положительного, что было совершено Советской властью в период, предшествовавший коллективизации.

Возвращаясь к слухам, нельзя не отметить, что они нередко носят националистический характер. Одни из них людей пугали тем, что будто бы Советская власть «всех колхозников-мусульман заставит работать на русских...», а другие стращали тем, что власть «хочет сделать всех рабами русских, загнать всех в колхоз, забрать все имущество, обобрать жен и сестер, заставить всех спать на одной кровати и под большим одеялом (Глашев Яхья, председатель шариатского суда сел. Хабаз)».

На самом же деле крестьянское движение в Кабарде и Балкарии имело не национально замкнутый, а интернациональный характер: русское население в равной степени подвергалось всем формам насильственной коллективизации. В связи с этим достаточно отметить тот факт, что руководство повстанческим движением считало одной из самых главных своих задач объединение своей деятельности с казачьими станицами, с другими гражданами КБАО, «с Карачаевской областью и целым рядом станиц Терского округа, где также проходила подготовительная к восстанию работа». Связь с казачьими станицами, например, было поручено осуществлять одной из центральных фигур штаба — Паунежеву Хацу. Летом 1929 года он прибыл в ст. Зольскую и встретился с руководителем казаков-повстанцев, кулаком Романовым Игнатом.

Романов, «пользующийся очень большим авторитетом среди казачества», организовал «за селом, на выгоне, секретное собрание казаков, на котором присутствовало 92 человека». На этом собрании Паунежев, встреченный приветствиями как представитель Кабарды и Балкарии, выступил от имени «повстанческой организации Кабарды и Балкарии с призывом принять участие совместно с горцами». Романов, выступая на собрании, сообщил, что «казаки поголовно недовольны Советской властью так же, как и мы. Кабардинцы готовы поднять вооруженное восстание». В каждой станице, по его словам, можно было найти «100 — 200 и больше казаков, имеющих у себя винтовки и даже найдутся пулеметы» и «излишек оружия, которым они могут поделиться с кабардинцами». На этом собрании принято решение: «немедленно начать подготовку к восстанию в русских казачьих станицах». Для поддержания регулярной связи между двумя повстанческими центрами было признано необходимым иметь постоянного представителя-связника. Им стал житель сел. Залукокоаже Березгов Умар, «обладающий в совершенстве русским языком». Штабом повстанцев поддерживалась также связь «с Карачаевской областью и целым рядом станиц Терского округа, где также проходила подготовительная к восстанию работа, которая увязывалась с работой Сармаковского повстанческого центра».

Как сказано в материалах следствия, в казачьей среде шла усиленная подготовительная работа к восстанию. На одном из нелегальных собраний казаков ст. Зольской было принято решение: «Поручить казакам ст. Зольской Мандровскому Василию и Лиходедову Александру выехать немедленно в ст. Незлобную, Лесогорскую и Подгорную с целью ускорить в этих селах подготовку к восстанию». Связь между станицами осуществляли: «Романов Игнат, его брат Лиходедов Иван, Штипурин и Березгов. Последний, как уже знаем, поддерживал связь между Сармаковским штабом и казаками. В то же время казакам Штипурину Александру и Малаевскому Федору из той же станицы Зольской было «поручено немедленно выехать в ст. Эссентукскую и Кислое». Утром они отправились «по назначению».

После вышеупомянутого совещания (с участием Паунежева), через 10 дней, Березгов доставил письмо от Романова за подписью его ближайших помощников. В нем сообщалось, что «казаками все к восстанию подготовлено и они ожидают действий с нашей стороны, после чего они также выступят. Проявляя повышенный интерес к готовящемуся в Кабардино-Балкарии вооруженному выступлению, сами казаки приезжали к повстанцам. Одна из таких встреч состоялась в сел. Залукокоаже, в доме Теуважева Якуба, «где обсуждался вопрос совместно с русскими казаками, приехавшими на это совещание из станиц Зольской и Горячеводской».

Обратимся теперь к тому, как повстанческий штаб разворачивал подготовительную к восстанию работу. В различных населенных пунктах Нагорного и Баксанского округов создавались «повстанческие ячейки». Они действовали под руководством штаба. Каждый его член имел персональное поручение — вести контроль за подготовкой восстания в ячейках. Документы устанавливают, кто в каждом из 10-ти населенных пунктов и где конкретно осуществлял подготовку к восстанию: в Каменноостском — Осма Лигидов, Залукокоаже - Татиб Антемиров, Верхнем и Нижнем Куркужине - Али Бекулов, Заюково - Исмель Кертов и Хацу Паунежев, Шардаково - Табиш Коцев, Малке - Хабиж Хажнагоев и Хуранов, Гунделене - Магомет Хачиев, Кубе - Винов и Кызбуруне-2 - Шогенцуков. Кроме них, как нам уже известно, многие населенные пункты были охвачены повстанческим движением.

Контакты с ячейками осуществлялись посредством разъездных инструкторов. Систему их работы можно иллюстрировать на одном примере. В обязанности одного из разъездных инструкторов из с. Шардаково Табиша Коцева входила поддержка связи между штабом и такими селениями, как Залукокоаже, Шардаково и Каменноостское. Перед штабом Коцев отчитывался «через каждые 10—15 дней, а иногда и чаще, в зависимости от обстоятельств». Разъездной каждый раз получал необходимые указания, что нужно сделать в каждом отдельном селении. Указания выполнялись совместно с членами повстанческой ячейки данного населенного пункта.

К февралю 1930 года количество повстанцев, готовых по приказу центра взяться за оружие, насчитывало до 2.000 человек. К этому времени в руководящее ядро восстания входили: «Кертов Исмель, Паунежев Хацу, Таукенов Зарамук, Хаупшев Джабаго, Маремуков Хабас, Кубалов Худ, Коцев Табиш и Бжахов Адам. По мнению следствия, 11 населенных пунктов были в состоянии выставить около 1.200 всадников. В том числе:

Верхний Куркужин - 50,
 Нижний Куркужин - 100,
 Шардаково - 60,
 Залукодес - 100,
 Каменноостское - 100,
 Гунделен – 100,
 Заюково - 80,
 Куба - 60,
 Лечинкай – 100,
 Кызбурун-2 - 150,
 Алтуд - 80,
 Малка - 150

О масштабах крестьянского движения говорят также события в Малокабардинском округе, Балкарии и Карачае. В Малокабардинском округе, например, при благоприятных условиях к восстанию могли присоединиться 300 человек. Это было вызвано, как отмечалось представителями ОГПУ, формированным наступлением на деревню под лозунгом «ликвидации кулака, как класса». Осуществление на практике этого лозунга дало почти по всей территории КБАО «резкое обактивление к/р кулацкого элемента, вылившееся в новые попытки этого элемента организовать вооруженное восстание против Советской власти». В частности, в сел. Верхний Акбаш «организовалась группа людей в количестве 50 человек». Она имела связь со всеми селениями, где шла подготовительная к восстанию работа. Первоначально количество повстанцев «достигало до 100 человек».

Вот как представлялся возможный ход событий одному из участников восстания в Нагорном районе: «намечается организовать несколько полков конницы, собраться в горах около Племхоза, где расположиться около стоящих стогов сена, а когда узнают об этом, то туда обязательно вышлют войско. Мы бросимся на них, отнимем все оружие и перебьем их...».

Крестьянским движением в Малой Кабарде руководил штаб, во главе которого стояли скрывавшиеся Кудаев Шамиль, Хатанов Тлостанбек и др. Внесудебному рассмотрению крайкомиттройки подлежала группа активных участников этого повстанческого движения: Хатановы Битлостан и Хуата, Шидуков Шахобан, Унажоков Хагуцира (с. Арик), Кунижев Алимурза, Мальбахов Ляг (Дейское), Мамхегов Жантемир, Макулов Темиркан (Аргудан), а также: Тенов Бота, Кудаев Кубати, Ольгиров Данил, Урожаев Блю, Гедгафов Булат, Тауков Хамурза. Кроме того, подготовительная работа шла в селениях Верхний Курп, Нижний Курп, Хамидия и Плановское.

Между Нагорно-Баксанским и Малокабардинским центрами повстанческого движения поддерживался непосредственный контакт. В связи с этим заслуживает быть отмеченным следующий эпизод. В январе 1930 года в штаб Кертова прибыли 2 человека из Малой Кабарды и Алтуда. Между малокабардинцами, с. Алтуд и штабом восстания был проводник-связист из Малки - Хуранов Азраил, который и привел их к повстанцам. Прибывшие доложили, что «у них в штабе ведется подготовка к вооруженному восстанию» и что они прибыли «это восстание начать одновременно с ними». Будучи хорошо подготовленным к выступлению, малокабардинский штаб перед самым восстанием получил директиву кертовцев - прибыть «в местность Куашепсино» не позже двухнедельного срока.

Относительно Балкарии. Как свидетельствуют документы, в ночь с 30 на 31 мая 1930 года в присутствии прокурора области Бесланеева была расстреляна группа балкарцев и кабардинцев: Тохаев Огур, Зеков Асламбек, Кудаев Нух, Акбулатов Абубекир и Муратчаев Хизир. А спустя несколько дней в ночь на 4 июня еще шестеро: Бабаев Абдуллах, Тохаевы Тухун, Лукман, Шлукой, Зелиханов Ахмат, Эльмесов Ахмат. Они обвинялись в том, что принимали активное участие в организации в Балкарском округе (Актопракская, Эльбрусская и Чегемская группы) вооруженного восстания против мероприятий Советской власти, в целом свержения таковой». Эта группа вела среди темного, отсталого народа Балкарии и Кабарды систематическую агитацию с целью вовлечения в свои ряды лиц, настроенных против мероприятий власти, при этом распространяла явно провокационные слухи о том, что «Советской власти уже не существует и необходимость восстания диктует шариат». Командование одним из повстанческих отрядов в Балкарском округе осуществлялось «видным авторитетом среди контрреволюционного элемента области — бывшим дворянином-лишенцем Зековым Асланбеком». Зекову удалось заранее установить связи по Балкарии. Между ним и заюковским повстанческим центром была достигнута договоренность о совместных выступлениях. Деятельность этого центра, руководимого Шомаховым Анзором (бывший командир белогвардейского карательного отряда),

Перхичевым Тугой (видный кулак), была «рассчитана на широкое восстание по всей области, в том числе и в Балкарии». Среди активных участников этого центра: Гукетлов Гид, Шегалугов, Шурдумовы Мажид и Али, Агоевы Тлостанбек и Али, Хасан Булатов и др.

Между Заюковской повстанческой группой, поддерживавшей тесную связь с Кызбуруном II, Сармаковским штабом существовала тесная связь. Так, один из руководителей последнего, Паунежев Хацу, в одно время укрывался в доме Шомахова Анзора. Будучи посвященным в тайны заюковцев, Паунежев «проводил по многим селениям подготовку к совместному вооруженному восстанию».

В обвинительном заключении по делу активных участников февральского восстания из Заюково (Агоев, Булатов, Шомахов и др.) указывалось, что «развернувшиеся 13 февраля 1930 года события в Кабарде и Балкарии являлись частично результатом деятельности этой контрреволюционной группы».

Продолжая разговор о потенциале восстания, необходимо вспомнить уже известную нам информацию Романова Игната о том, что в каждой казачьей станице найдется до 200 и более казаков, да еще частью вооруженных пулеметами.

А таких было не менее 6 станиц! География восстания охватывала и Карачай. Для связи между двумя областями еще осенью 1929 года был командирован «связист-ходок» Тугов Абдулгазиз, он был прислан неким Лафишевым узнать, «как обстоят дела в Сармаково с подготовкой восстания», пообещав, что в случае необходимости «пришлет сюда отряд». Тугов отвез для карачаевских повстанцев письмо от штаба организации, в котором содержались сведения, касающиеся предстоящего восстания, письмо было подписано Паунежевым и предположительно Кертовым.

В 1930 году, 13 февраля, в ряде населенных пунктов Нагорного и Баксанского округов начались аресты главарей повстанцев. Так, в пос. Нижний Куркужин были изъяты Кодзев Цаца — бывший секретарь ячейки ВКП(б), Хаупшев Мату — бывший мулла-лишенец, Хаупшев Масхуд, Маршенкулов Кучук — торговец-лишенец, раскулачен в 1929 году, Гехов Масхуд, Багов Али — несколько раз подвергался арестам за антисоветскую деятельность; по Верхнему Куркужину «изъяты» Абезыванов Ислам и др.; по сел. Каменноостскому — Маргушев Эдык, Думановы Иссуф, Забек и Асламурза. Цель этих и других арестов — не допустить вооруженного выступления крестьян, крайне недовольных крутыми мерами власти. Однако аресты дали обратный эффект — послужили поводом к восстанию.

Вскоре после указанных арестов, т. е. около 20 часов вечера 13 февраля житель сел. Нижний Куркужин Гехов Али совместно с некоторыми другими (Шооев Мат, Маремкулов Хабас, Пшихачев Хамид, Кодзев Пот и Коцев И.) отправились в отряд Кертова Исмея, который насчитывал всего 15 человек, в том числе: 5 скрывающихся сармаковцев во главе с Кертовым и Паунежевым и 10 «навербованных в течение 12—13 февраля» из Нижнего Куркужина, куда входил и бывший член ВКП(б), председатель исполкома Нижне-Куркужинского Совета Таукенов. Причем, нижнекуркужинцы присоединились к отряду Кертова «с целью привести банду для совершения налета на Нижний Куркужин».

Узнав об этих спешных приготовлениях, член сельсовета Карданов Тлостан занялся формированием отряда из Нижнего Куркужина. «Сорганизованный им отряд в составе около 15 человек в ночь на, 14 февраля был выведен за селение, где он предполагал ожидать прихода «банды». Когда же отряд Кертова совершил налет на Куркужин, то отряд Карданова «в полном составе к ним присоединился».

К моменту прибытия Кертова в село был уже поздний вечер. Несмотря на это, заседал исполком, очевидно, считавший себя в безопасности, надеясь на отряд Карданова. Данное обстоятельство, несомненно, учитывалось, когда свои действия отряд начал с того, что разогнал «прозаседавших». Члены сельского Совета были разоружены, верховые лошади отобраны. При этом гонцы Кертова, обходя дворы, призывали: «Кто за шариат, то вливайтесь в наш шариатский полк!». В итоге подворной агитации к отряду присоединилось «свыше 100 человек». В Верхнем Куркужине к восставшим примкнуло еще 60 человек, «частично вооруженных, а часть палками». Их могло быть и больше, но колеблющиеся, «агитируя других», сами с бандой не ушли с единственной целью — выждать результаты восстания и, безусловно, присоединились бы к ним в том случае, если бы на стороне повстанцев был перевес».

Располагая отрядом в 160 человек, кертовцы избрали местом базирования район речки «Кашепсино». Здесь по указанию Кертова проводился более строгий отбор. Тех, кого считали, «неспособными оказать повстанцам содействие», отпускали. Таковых оказалось 18 человек. Наступала пора решительных действий. На одном из организационных совещаний было предложено два варианта наступления: захват с. Каменноостского (Шереметов Хажимуса) и овладение сел. Сармаково (Тауканов). Выбор пал на предложение Шереметова. 15 февраля на рассвете отряд сперва двинулся на сел. Гунделен, где по расчетам Кертова организатор Хачиев Молла должен был присоединиться к ним, но «организованный» актив сел. Гунделен обстрелял его. Кертов уклонился от сражения. В этот момент к повстанцам присоединились 9 всадников из сел. Залукокоаже: Кубалов Худ, Бжахов Адам, Бабугоев Худжа, Аброков Хасан, Лакушев Нух и др. В тот же день, 15 Февраля, кертовцы «вошли» в полном составе без сопротивления в село Каменноостское, где, однако, находились «не более 2-х часов». Местный актив и здесь был разогнан, а оружие и лошади достались победителям. Кроме того, продолжалась вербовка.

«Значительно пополнившись за счет местного населения», отряд той же ночью отправился на Сармаково. В этом селении восставшие захватили государственный конный завод, а из него — 47 лошадей, а также конезавод местного товарищества, из которого забрали 17 лошадей. В Сармаково Кертов, как это имело место и в других населенных пунктах, выступал на сходах, призывая против коллективизации, Советской власти, коммунистов, комсомольцев. В количестве 450—500 человек на рассвете 16 февраля, они «с песнями и молитвами о священной войне» направились в горы по левую сторону от Сармаково.

К 16 февраля отряд повстанцев вместе с присоединившимися насчитывал всего 450—500 всадников. Дальнейший ход восстания можно проследить по показаниям Паунежева: «По пути от Сармаково на Б. Куркужин мы, повстанцы, встретили двигавшиеся навстречу нам отряды красноармейцев и активистов. При столкновении завязался бой, длившийся с 6-ти часов утра и до самого вечера, в результате группа повстанцев с потерями убитых и раненых под натиском красноармейцев начала отступать в направлении горы «Кинжал».

Согласно другим источникам, в тот же день «объединенными силами красноармейцев Дивизиона и активистами под руководством сотрудников отдела было начато наступление на гору Хара-Хора — место пребывания банды, но уклонившись от боя, банда ушла в неизвестном направлении».

Последующие дни проводилась усиленная разведка по обнаружению восставших, но лишь 19 февраля удалось точно установить, что они находятся в районе г. «Кинжал». Отступая на «Кинжал», повстанцы намеревались спуститься в ущелье, но оказалось, что такой план, неосуществим из-за «сильной крутизны и заносов», и они были вынуждены принять бой. В ходе предпринятых оперативных мер по окружению восставших «отряд активистов под

командованием областного партработника» (Максидова – С.Б.), к каковому была придана часть Дивизиона с пулеметом системы «Томпсон», повел против них прямое наступление. Между сторонами завязалась жестокая перестрелка, лошадь красноармейца была убита, а там настигнут и зарублен». Пулемет достался повстанцам, «отряд же Максидова, не выдержав натиска, отступил в направлении сел. Каменноостского, где расположился прибывший эскадрон 26-го кавполка». К этому времени и повстанцев оставалось совсем мало (не более 160 человек), многие из них еще на Куркужине, пользуясь темнотой после жаркого сражения, разбежались. В их числе оказался и Паунежев Хацу Аслангиреевич. Он «лично руководил повстанцами при налетах на сел. Каменноостское и Сармаково», но после лично отстал от общей группы повстанцев еще в первый момент столкновения под В. Куркужином и скрывался в пещере в местности «Куашепсино». Двойственную позицию Паунежева, видимо, следует объяснить тем, что он в недавнем прошлом сражался в числе красных партизан.

Между тем командование эскадрона 26-го кавполка, предупрежденное об отступлении Максидова, организовало засаду в окрестностях сел. Каменноостского. И повстанцы, увлеченные преследованием отряда Максидова, совершенно неожиданно для себя оказались в ловушке. К чести кертовцев следует отметить, что и в этой безнадежной ситуации они не дрогнули, а сражались храбро. Говоря языком официальных документов, они оказали «жесточайшее сопротивление», дрались с призывами святых молитв, но, потеряв 23 человека, «в замешательстве рассыпались» и почти целиком были уничтожены. Повстанцы «как значительное объединение» перестали существовать.

Однако штаб восстания, спасшийся почти целиком, не думал сложить оружие. Разбившись по 2—3 человека, уцелевшие повстанцы всю зиму скрывались в горных ущельях.

Тем временем в марте 1930 года в Кабардино-Балкарию вернулся бежавший из ссылки, «очень видная, пользующаяся большим авторитетом личность Абуков Али». Он сразу же связался с членами штаба. В мае 1930 года они организовали в сел. Залукокоже у Кубалова Худа секретное совещание, на нем был выработан план дальнейших немедленных действий по подготовке нового вооруженного выступления по тем же селениям, где проходило февральское восстание. Вскоре после совещания вся эта группа устроила налет на сел. Залукодес и произвела ограбление сыроваренного завода.

На втором этапе восстания кертовцы возлагали большие надежды на с. Гунделен. Им удалось связаться с их представителем — Хашевым Магометом. На беседе, продолжавшейся 3 часа, Хашев выразил планам Кертова «большое сочувствие и сказал, что он первый присоединится к повстанцам и поведет за собой весь Гунделен». Было согласовано и время для налета на Гунделен — «как только подрастет трава для корма лошадей». После присоединения повстанцев из Гунделена Кертов намеревался овладеть селениями: Заюково, Кызбурун I, Кызбурун II и Баксан. Конечной его целью являлся захват Нальчика. Этот план был одобрен всеми членами штаба восстания.

Однако реальность этих планов была крайне незначительной. Спустя немного времени, уцелевшие повстанцы были выслежены. Во время последнего вооруженного столкновения руководитель восстания Кертов и некоторые другие его сподвижники были убиты, а остальные члены штаба арестованы.

В обвинительном заключении по делу о февральском вооруженном восстании фигурируют в общей сложности 120 человек. В том числе наиболее активные участники: Паунежев Хацу, Хаупшев Джабаго, Таукенов Зарамук, Бабугоев Худжа, Березгов Умар и др. Окончательный приговор выносился во внесудебном порядке органами ОГПУ. Семеро наиболее активных

деятели восстания осуждены на 10 лет (концлагерь), девять участников получили по 8 лет лишения свободы с содержанием в концлагерях. 31 обвиняемый обязан был отбывать 5-летний срок наказания в концлагерях, другим вынесены менее суровые меры пресечения. Преследования активных участников крестьянского движения этим не закончились. В частности, согласно акту, составленному начальником КБАО ОГПУ Колосулиным, летом 1931 года решением Крайполиттройки к высшей мере наказания были приговорены Тавкешев Асланби Хажобекирович и Чемазоков Жамаль Аюбович. В присутствии помощника прокурора и карнача они расстреляны в ночь на 25 июня 1931 года. Акт заканчивается обыкновенным в этих случаях леденящим заключением: «Трупы после констатации смерти зарыты в землю глубиной 2 с половиной метра».

Малкинская повстанческая группа

Июль 1931 года. В прокуратуру КБАО начали поступать заявления от заключенных с просьбой освободить их из отдела ОГПУ. В одном заявлении читаем «Мой отец Кушхов Кясим уже 6 месяцев содержится в ОГПУ и не знаем его судьбу. Оставшаяся после него семья состоит из 7 душ. Все они неработоспособны и в настоящее время голодают. В другом арестант Канкулов Тамаша напоминал: «...я нахожусь под арестом 6 месяцев». Заявления вызваны, тем, что срок их содержания под следствием был продлен по ходатайству уполномоченного особого отделения КБАО ОГПУ Смирнова. А последний констатировал: «Выявление всех связей Малкинской контрреволюционной организации потребует еще ряда следственных мероприятий, без чего ликвидация этой организации не будет исчерпывающей. В связи с этим запросом принято постановление: «Через ПП ОГПУ СКК возбудить ходатайство перед ЦИКом СССР о продлении срока ведения следствия по делу».

Лица же, о которых шла речь в упомянутых заявлениях, входили, наряду с нижеследующими жителями: с. Малка: Кушховым Булатом, Аджиевым Джемурзой, Крымовым Исламом, Кушховым Касымом, Канкуловым Тамашей, Машуковым Агурби и Бацевым Муссаби, в т. н. Малкинскую повстанческую группу. Лидером этой группы считался Бацев. Он входил еще в Малкинскую повстанческую ячейку, ликвидированной несколько ранее «Нагорно-Баксанской контрреволюционной организации, возглавлявшейся Кертовым и др.». Руководители февральского восстания возлагали на Малку серьезные надежды, как на селение «весьма крупное и занимающее в Нагорном округе центральное положение». Однако непосредственного участия Малка в восстании не приняла. Случилось так, что когда члены ячейки во главе с Бацевым Муссаби скрылись, чтобы присоединиться к восставшим, были уже развернуты военные действия, и таким образом Малкинская группа оказалась отрезанной от Кертова и в силу этого через некоторое время была вынуждена вернуться по домам».

Новая Малкинская повстанческая группа (охватывала еще Камлюко и Батех) начала сформироваться летом 1930 года (по другим данным – с конца 1930 и начала 1931 г.) и ставила перед собой цель подготовить более широкое, чем предшествующее вооруженное восстание. Достижение реальных результатов группа видела в установлении связей с недовольными властями не только в Кабарде, но в «Терском округе и, в частности, в гор. Пятигорске». Кроме непосредственно действовавших на месте жителей из упомянутых трех населенных пунктов, в группу входил и проходящий по указанному выше следственному делу с. Малка Машуков Агурби Батович, отбывавший наказание в ссылке в Ленинграде. Ранее он был членом ВЛКСМ, учился в Ленинском учебном городке - ЛУГе. После его окончания Машуков «устроился на службу в Кооператив в своем селении Малка». По мнению следствия, будучи в ссылке, Машуков по поручению группы (Малкинской - С. В.) «подыскивал в организацию лиц, знающих военное и типографское дело». В документах отмечается, что Машуков, готовясь к восстанию, «выработал лично детальный план по

сплочению всего к-р (контрреволюционного — С. Б.) и а-с (антисоветского — С. Б.) элемента Кабарды в мощную контрреволюционную организацию в целях свержения власти Советов вооруженным путем». Вместе с тем напрашивается предположение, что на составление этого плана могли оказать определенное влияние те лица, которых Машуков подыскивал по поручению Малкинской группы и которых, возможно, он было уже нашел.

По ОГПУ цель подпольной организации состояла в том, чтобы объединить в Кабарде и Балкарии весь антисоветский элемент в организацию на предмет свержения Советов и возврата Кабарде независимости, «на национал-демократических началах». Руководство этой организацией «должно было осуществляться выборным политцентром». Последний имел право «назначить уполномоченных в Ленинграде, Москве, Ростове на-Дону, Краснодаре и Тифлисе». А уполномоченные, в свою очередь, должны были распространять листовки, и воззвания, для издания которых предполагалась организация подпольной типографии. В своем заключении ОГПУ исходило из приписываемых Машукову двенадцати тезисов, по каждому из которых он намеревался выпустить листовку-воззвание.

С точки зрения изучения мотивов предполагавшегося восстания, программа Машукова, составленная, возможно, совместно с политическими ссыльными, или, что скорее всего, кем-то из последних, представляет несомненный интерес.

Она сводится к следующим тезисам:

1. Указать общее политическое и международное значение СССР в представлении Компартии.
2. Сделать анализ того, что замечается на самом деле.
3. Указать долженствующее быть взаимоотношение между центральной властью и отдельными народностями, входящими в состав СССР с точки зрения Советской Конституции.
4. Подвести итоги тому, что наблюдается на самом деле, в частности, особую политику в отношении кавказских народностей.
5. Напомнить прошлую борьбу кавказских народностей во времена Шамиля с царским правительством, в то же самое время указать про борьбу в 1919 г. с главным командованием Добровольческой армии за свою национальную независимость Менжелиса (Меджлис - С. Б.), Горских народов, в пределах СКК, включая Закавказье, держа тесный контакт с Анатолическим правительством (т. е. Турцией — С. Б.).
6. Указать, что стремление борьбы за это в горских народах еще не угасло, что существующий строй не может понять истинные исторические желания горских народов.
7. Необходимо также указать на наличие всевозможных группировок, обостренную борьбу, удушение мысли, массовые репрессии в рядах ВКП(б-) на почве неправильной политики центральных органов.
8. Указать экономическое положение страны в связи с такой политикой.
9. Указать истинные стремления народов, назревшую необходимость коренным образом изменить политику в сторону полнейшего демократизма.
10. Привести целый ряд фактов уничтожения человеческого достоинства, мысли, взглядов, гонения на религию и т. д.
11. Что нужно сделать для исполнения исторических желаний кавказских народностей с постепенным втягиванием народов СССР.
12. Логические выводы.

Арестованная в момент подготовки восстания Малкинская группа не смогла развернуться. Несудебным рассмотрением Крайполиттройкой при ПП ОГПУ СКК дела членов повстанческой организации они были приговорены к различным срокам и формам лишения свободы: Бачев Муссаби и Кушхов Булат - по 3 года (в концлагерь), Аджиев Джемурза,

Кушхов Кайсым - по 3 года (ссылка на Южный Урал), а Крымову — 2 года лишения свободы. Обнаруженные документы не говорят о мере наказания для Машукова, но несомненно, что она может быть большей, чем у его сподвижников.

Заключение

Итак, многочисленные факты свидетельствуют о наличии в Кабардино-Балкарии конца 20-х - начала 30-х годов крестьянского движения, переросшего в вооруженное восстание. Каковы причины тех событий?

Разумеется, одними материалами, принадлежавшими такому репрессивному органу, как ОГПУ, которыми мы располагаем (и то лишь частично), невозможно обрисовать всю трагическую картину того поистине драматического периода истории нашей республики, во многом остающегося до сих пор «белым пятном». Широко практиковавшиеся в те годы ярлыки: «контра», «банда», «кулак» или «кулацкий элемент», частично оправданные, без особого разбора приклеивались в то же время и тому честному, свободолюбивому, принципиальному, отстаивавшему идеи Великого Октября, что поднималось в народе против вопиющего беззакония и просто оголтелого самоуправства.

Анализ биографических данных наиболее активных участников восстания показывает, что среди них было немало в прошлом активных борцов за действительно советскую - ленинскую власть. В частности, такой вожак, как Паунежев, был красный партизан. А что касается руководителя восстания Кертова, то со слов очевидцев рассказывают, что он начал как красноармеец, и что даже сохранилась фотография, где он изображен в форме красноармейца. Члены штаба повстанческого движения Таукенов - бывший член ВКП(б), председатель исполкома Куркужинского Совета и участник движения Кодзев, бывший секретарь ячейки ВКП(б) сел. Нижний Куркужин и др. Эти и множество других примеров показывают, что у них были собственные цели и было бы чрезмерным преувеличением причислить выступления крестьян к вообще одним лишь проискам «кулацко-дворянско-княжеско-мульского элемента», который, как отмечает пленум Кабардино-Балкарского обкома КПСС от 30 июля 1928 года, проводимую кампанию хлебозаготовок, организацию детских ясель и религиозный фанатизм использовал «в самых грубых провокационных формах для вовлечения в контрреволюционные выступления части бедняцко-средняцких слоев крестьянства».

Конечно, нельзя умалчивать и о том, что и в руководстве восстания, и в среде восставших были действительно антисоветски настроенные элементы «со стажем». Они в силу несомненных достижений Советской власти в первые годы ее существования были вынуждены отступить. Однако, увидев неожиданный поворот событий и связанную с этим складывающуюся взрывоопасную обстановку, «бывшие» решили воспользоваться благоприятнейшей для себя обстановкой, чтобы предпринять попытку реваншироваться, и включились в движение, стараясь придать ему выгодный им характер. Но таких людей было сравнительно мало.

Вместе с тем, как уже отмечалось, причины Баксанского (1928 г.), Нагорно-Баксанского (1930 -1931 гг.) восстаний и связанного с ними движения в Малой Кабарде и Балкарии даже в официальных документах того времени достаточно реально, хотя и крайне однобоко указаны. В частности, в них устанавливается связь восстаний с «начавшимся решительным наступлением Соввласти и партии на контрреволюционные кулацкие элементы в деревне и проведением важнейших сельскохозяйственно-политических мероприятий». Говоря языком перестройки, речь шла о начальном этапе сталинщины, сталинских репрессий, характеризовавшемся резким нарушением ленинских принципов кооперирования

крестьянства. Этот период можно проследить на примере одного из типичных многонаселенных пунктов Кабардино-Балкарии — сел. Каменноостского, одного из опорных пунктов повстанческого движения. Здесь лишь в 1929 году начало разворачиваться движение по организации различных сельскохозяйственных товариществ.

Так, в начале 1929 года исполком села обсудил вопрос: «О вовлечении членов товарищества «Псибгунж», который затем стал предметом рассмотрения общего схода граждан, на котором присутствовало 450 человек, в том числе 45 женщин. На повестке дня стояло два вопроса: «О кооперировании и вовлечении новых членов в товарищество «Псибгунж» и «О взятии товариществом «Псибгунж» Кичмалкинского сырзавода». В постановлении схода констатировалось, что в товарищество вовлечено мало членов. Из 730 дворов членами состояли только 39 хозяйств, а требовалось на первое время довести членство до 45—40% от общего количества дворов. В связи с создавшейся ситуацией 21 февраля 1929 года исполком постановил: «До 1 марта сего года записаться всем членам с/с в животноводческое товарищество «Псибгунж». Кроме того, провести разъяснительную кампанию среди населения о пользе вступления в эту организацию, а также вменить в обязанность каждому члену завербовать не менее одного из граждан в товарищество».

Исходя из этого, в первую очередь и в обязательном порядке записывались в товарищество члены и кандидаты ВКП(б) - 15 человек, члены и кандидаты в члены исполкома сельского Совета - 77 человек, организация ВЛКСМ - 27 человек. В товарищество записывались также члены женсовета, пионерской организации ККОВа. Было решено первоначально кооперировать 100 батраков и бедняков (50 мужчин и 50 женщин), используя вклады ККОВа в 50 рублей. Все члены обязывались сдать излишних коров «для эксплуатации сырзаводу» - всего 730 голов из расчета по одной корове на каждый двор. Для обеспечения «полной нагрузки сырзавода на первое время допускались и коровы жителей с. Хабаз». Кичмалкинский сырзавод переоборудовался «по последним техническим усовершенствованиям». По договору с Молживотноводческим союзом 25% суммы (30.000 рублей) на переоборудование завода брало на себя товарищество. Председателем вновь созданного молочно-животноводческого товарищества был избран Хизир Шериев. В 1929 году товарищество сумело подготовить свою материальную базу - помещение для показательного кормления молочного скота и заготовило для Малкинского и Зольского сельскохозяйственных кредитных товариществ 50 тысяч пудов сена.

Все эти мероприятия ставили перед собой одну цель: выработать у трудящихся чувство коллективного хозяина своей земли, своей страны, выработать дух подлинного товарищества и коллективизма, повернуть их лицом к социализму. Следует сказать, что эта цель к 1929 году еще не была достигнута в той степени, чтобы по примеру отдельных населенных пунктов страны немедленно приступить к созданию одной из высших форм земледельческого труда - колхозов. Этот факт был констатирован и в отчете о работе Каменноостского сельского Совета от 7 февраля 1929 года: «...земледельческих колхозов не имеется. Намечен к организации в 1929-30 годах». Ни в 1929 году, ни в 1930 году создать колхоз не удалось. Правда, 18 декабря 1930 г. был организационно оформлен колхоз, который получил название «Дженал», но он вскоре распался.

Тем не менее, уже весной следующего года создаются колхозы. Сохранились протоколы собраний. Первое из них состоялось 10 марта 1931 года среди жителей Октябрьского квартала (бывший Хагундоковский). Председатель собрания — Исмель Гятов, секретарь собрания - Гиса Макоев. На повестке дня один вопрос: «Об организации колхоза».

Итак, организационно колхозы были созданы. Однако немногочисленность учредительных собраний и факт распада колхозов уже к весне 1930 года свидетельствуют, что здесь имели

место те самые перегибы, о которых шла речь в известном постановлении ЦК ВКН(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партии в колхозном движении».

Коллективизация проходила в обстановке безудержного форсирования и жесткого административного режима, ленинские принципы кооперирования грубо нарушались, необходимость упорной, длительной и настойчивой работы была подменена принудительными методами. Следует вместе с тем отметить, что эти методы шли вразрез и с партийными документами, принятыми накануне и в ходе коллективизации. Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 января 1931 года «О коллективизации на Северном Кавказе», например, национальные области Северокавказского края «за исключением Адыгеи и осетин» были отнесены к районам несплошной коллективизации.

Более глубокому уяснению характера крестьянского движения в Кабардино-Балкарии конца 20-х - начала 30-х годов, несомненно, будет способствовать реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г., «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х - 40-х и начала 50-х годов», утвержденного Верховным Советом СССР 31 июля 1989 г. В соответствии с этим Указом, все граждане за исключением изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников и их пособников, фальсификаторов уголовных дел, привлекавшихся к уголовной ответственности внесудебными органами, были реабилитированы, а указанные выше внесудебные органы названы антиконституционными.

Признание внесудебных органов, к которым в первую очередь относятся тройки, антиконституционными, есть по существу признание исторической законности массовых вооруженных выступлений крестьян в Кабардино-Балкарии начала 30-х годов постольку, поскольку их основной причиной явилась именно антиленинская, антинародная сущность злодеяний указанных репрессивных органов на начальном этапе кровавого сталинизма.

Следовательно, абсолютное большинство участников этого движения: бедняки, середняки и неоправданно причисленные к кулакам трудовые крестьяне вообще (ни в коем случае, не закрывая при этой глаза на явно антисоциалистическую направленность действий некоторых контрреволюционных элементов), а равно и само восстание, всестороннее изучение которого ждет еще своих исследователей, должны, как бы горьки они ни были, занять подобающее место в нашей многострадальной истории - по своему основному содержанию стать революционной страницей, перестав, наконец, быть ее контрреволюционным «белым пятном».